

Двадцать восьмого числа двенадцатого месяца по лунному календарю Вэй Усянь заманил всех юных адептов Ордена Гусу Лань, которые на днях отобрали у него леденцы, лепить пельмени. Впрочем, Вэй Усяню не обязательно было готовить их самому, но подарки, присланные недавно из Ордена Юньмэн Цзян, всколыхнули в нём слишком много воспоминаний. Увы, Цзян Чэн пока не позволял ему вернуться, а раз уж отведать пельменей, слепленных шицзе, не удавалось, он решил создать их сам.

О том, как проходил этот развеселый процесс, лучше умолчать. Достаточно сказать, что распорядитель кухни Ордена Гусу Лань уже внёс всех присутствующих юношей и самого Вэй Усяня в чёрный список, а если бы на месте событий оказался Лань Цзинь, его бы наверняка хватил удар.

Когда пельмени были почти готовы, Лань Цзинь побегал в Запретный архив за Сычжун. Но он и представить не мог, что пока его не было, пельмени буквально разлетелись — в самом прямом смысле этого слова.

Лань Цзинь, увидев Сычжу, который лежал на столе, словно у него осталась лишь половина жизни, поспешно спросил:

— Сычжуй, Сычжуй, что с тобой?

Лань Сычжуй ответил:

— Со мной всё в порядке. Я закончил приводить книги в порядок, просто немного устал, особенно глаза.

Лань Цзинь подбодрил его:

— Сычжуй, господин Вэй вместе с нами налепил целую гору пельменей. Поешь потом побольше.

Лань Сычжуй бессильно улыбнулся:

— Хорошо!

Лань Цзинь помог ему подняться и запер дверь Запретного архива. По дороге они весело болтали о еде.

— Сычжуй, сегодняшние пельмени с самыми разными начинками, — рассказывал Лань Цзинь. — Есть с луком и яйцом, со свиной и капустой, с арахисом и кунжутом, с говядиной и перцем, с тофу...

— Арахис с кунжутом — это разве подходящая начинка для пельменей? И тофу — это вообще начинка или часть теста? — удивился Лань Сычжуй.

— Раз завернуто в тесто для пельменей, значит, это пельмени! И знаешь, они еще и

разноцветные!

— И каких же они цветов?

— Белые, зеленые, красные, бело-зеленые, красно-зеленые, красно-белые, а еще желтые и черные.

— Черные? Разве пельмени бывают черными?

— Раз завернуты в тесто, значит, пельмени, — стоял на своем Лань Цзинъи.

— М-м...

— А еще сегодня пельмени самой причудливой формы!

— И какой же?

— В форме полумесяца, круглые, в виде кроликов, ослов, золотых слитков, косичек, цветов...

— Круглые — это, наверное, баоцзы, — заметил Сычжуй.

— Раз завернуты в тесто для пельменей, значит, пельмени!

Пока Лань Цзинъи продолжал без умолку расхваливать их кулинарные шедевры, Лань Сычжуй молча размышлял: один адепт Ордена Цзян как-то обмолвился, что в их доме на праздники чтят лишь память предков, соблюдая все правила Юньмэн Цзян, а в остальном, особенно в еде, ведут себя как настоящие разбойники. Если кто-то из северных учеников скажет, что дома принято есть пельмени, они всей толпой бегут на кухню их лепить. Если кто-то другой захочет лапши — бегут раскатывать тесто. Если кто-то скажет, что к празднику нужны персики — все окрестные деревья будут обнесены. А если какой-нибудь старший брат или сестра упомянут, что к празднику положено есть курицу, они тут же обчистят соседские курятники, ощиплют птицу и примутся за жарку и варку. Им было неважно, в какой местности, в какой день и по какому поводу так едят — главное, чтобы было вкусно.

В Юньмэн ели всё, что угодно, не признавая никаких правил. Раньше Сычжуй это казалось преувеличением, но теперь он был готов поверить. В конце концов, если они умудряются лепить пельмени... в таком виде... он всё же рискнет назвать круглые пельмени баоцзы. Впрочем, неважно. Круглые, плоские, красные, зеленые, сладкие или соленые — лишь бы это можно было проглотить, Лань Сычжуй больше не станет спорить.

Лань Цзинъи и Лань Сычжуй, полные предвкушения, приближались к кухне, как вдруг раздался грохот.

— Цзинъи, мне показалось, или крыша улетела? — спросил Лань Сычжуй.

— Я тоже это видел.

Они переглянулись, и не успели опомниться, как кто-то закричал: — Убийцы! — а следом: — Пожар! Ядовитый дым, задержите дыхание!

Лань Сычжуй и Лань Цзинъи, охваченные тревогой, бросились на помощь. Прибежав на место, они обнаружили, что пострадал именно тот дворик с кухней, где они только что лепили пельмени. Не успели они спросить, что случилось, как едкий дым заставил их закашляться.

— Этот запах... — прохрипел Лань Сычжуй. — Кхе-кхе... до ужаса знакомый...

— Кхе-кхе... — вторил ему Лань Цзинъи. — Почему вы все... из белых пушистых котов превратились в черных?

Ответом им был лишь новый приступ кашля.

Тем же вечером, в покоях Лань Цижэня.

— Цижэнь, сейчас главное не наказание, а выяснение истины. И почему ты заставил их только чинить кухню? — допрашивал его гость.

Лань Цижэнь не спешил отвечать. Он налил чаю себе и собеседнику, достал из ящика стола маленький пузырек, поставил его на стол и произнес:

— Дядюшка, это я принимаю в последнее время.

Гость, приходившийся Лань Цижэню двоюродным дедом, взял пузырек, прочитал надпись Скорая помощь для сердца и воскликнул:

— Да сколько тебе лет, зачем ты пьешь это?!

— Дядюшка, я бы и сам не хотел, но они слишком шумные. Праздник, не хочется портить настроение родным и близким, да и детей обижать не стоит, приходится спасаться самому.

— Какое отношение это имеет к сегодняшнему происшествию?

— Дядюшка, Усянь тоже был там. Боюсь, правда о случившемся выйдет за рамки нашего понимания. Что нам делать?

Старик задумался.

— У твоего чая сегодня странный вкус, в чем дело?

— Это успокаивающий сбор.

В комнате воцарилась тишина.

— Я помню, у нас на складе была новая партия жемчужной пудры, — наконец сказал старик. — Сходи завтра, возьми её, и вместе с этим сердечным средством и чаем раздай всем нам, старикам, по домам.

— Дядюшка, это для того, чтобы...

— В прошлом году на канун Нового года они устроили такой переполох на задней горе, что я боюсь повторения. Готовлюсь заранее.

— Это случилось не в канун, а вечером первого дня нового года.

— Значит, память меня подводит.

— Дядюшка, если вы хотите провести праздник в тишине, у меня есть способ, но мне нужна поддержка старших.

— Что за способ? Говори.

— Перенести праздничный ужин с кануна Нового года на обед. А как закончим — отправить Ванцзи вместе с Усянем и этой шумной оравой в Юньмэн.

— Не слишком ли рано отправлять Усяня в Юньмэн до второго дня?

— Встречать Новый год в Гусу — это одно, а ехать в Юньмэн второго числа — это уже визит к родственникам. Если же уехать в Юньмэн прямо в канун — это значит вернуться домой, совсем другое дело.

Старик подумал и кивнул, соглашаясь, но тут же выразил сомнение:

— Кухня сегодня рухнула, успеют ли они всё починить?

Лань Цижэнь ответил, что заставит всех заниматься ремонтом, включая Лань Сичэня, который сейчас в уединении.

Канун Нового года, у ворот Облачных Глубин.

Вэй Усянь никак не мог поверить, что они закончили праздничный ужин еще до обеда.

<http://bllate.org/book/24021/2753724>